

RECENZE

АМЕРИКАНСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНТАКТЫ

Россия и США: формы литературного диалога. Российский государственный гуманитарный университет, Ohio State University. Москва 2000, 205 с.

Сотрудничество двух университетов – московского Российского гуманитарного, возглавляемого Юрием Афанасьевым, и американского (Columbus, Ohio) и финансовая поддержка последнего привели к публикации сборника, в котором приняли участие не только преподаватели, но и аспиранты и студенты. Сборник посвящается памяти американского профессора А. Уиллмана (скончался 1996). Исследователи обеих сторон имели притом возможность пользоваться зачастую уникальными материалами и архивными фондами России и США.

С определенной точки зрения проблематична роль теории, ибо очевидно, что речь идет скорее о сопоставительном или сравнительном изучении двух национальных литератур (компаративистика) и что преобладают исследования скорее контактного, чем типологического характера; жаль, что нигде нельзя найти хотя бы тонкую связь с общими методологическими проблемами дисциплины. Таким образом, сборник представляет собой ценный, но теоретически менее осмысленный материал. Вторая проблема связана именно с теорией и типологией отдельных подходов. Хотя есть разные уровни сравнения, как они отражены в разделении материала (взаимное отражение обеих стран или их мифов в партнерской литературе, воздействия определенных феноменов – американских на русскую и русских на американскую литературу, переводы), однако методы контакта зачастую переплетаются; во всяком случае они не могут существовать в чистом виде. Третья проблема связана со степенью оригинальности исследований: она высока, однако иногда открывается уже открытое или известное; авторы отдельных исследований иногда забывают сослаться на своих предшественников. Это главным образом касается почти классической книги немецкого исследователя Дитера Бодена, сейчас, кажется, консула Германии в Санкт-Петербурге (он написал и предисловие к известной книге *Немцы в России. Петербургские немцы*. Российская Академия Наук. Санкт-Петербургский Научный Центр, Институт истории естествознания и техники – Санкт-Петербургский филиал. С.-Петербург 1999. Ред.: С. Н. Ислюль, Н. В. Колпакова, Г. И. Смагина). Его ранняя книга, соответствующая теме настоящего сборника, называется *Образ Америки в русской литературе вплоть до конца 19 века* (Dieter Boden: *Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. Hamburg 1968; см. I. Pospšil: *Dynamika rusko-amerických literárních vztahů od počátku do konce 19. století*. Universitas, Brno 1973, č. 5, s. 28–35). Другими словами, требуется наличие общей статьи, в которой результаты настоящего сборника очутились бы в более широком контексте исследований и традиций сравнительного литературоведения, включая и русско-американский раздел (Известно, что именно в этой сфере была своя динамика, усиление и ослабление контактов: вершиной является царствование Екатерины II, деятельность и проекты декабристов, критика А. С. Пушкина; в XX веке политическое сближение в годы Великой Отечественной войны отразилось и в исследованиях, до этого времени тормозимых идеоло-

гическими препятствиями). Вкратце: рецензируемый сборник представляет собой, несмотря на приведенные критические замечания, большой вклад к изучению новых материалов русско-американских литературных отношений, именно в связи с литературой XX века (В. Набоков, Н. Берберова, М. Булгаков, В. Аксенов и др.) и с философскими и идейными веяниями и поисками (Henry D. Thoreau, shakers, Arthur Miller etc.). Еще одну черту рецензируемого сборника хотелось бы подчеркнуть и выделить: это простой, конкретный, скромный, «деловой», прагматический язык; это, может быть, связано и с определенной «неопытностью» некоторых молодых исследователей, которым не свойственна «орнаментальная манера», псевдонаучность или таинственно-туманные высказывания, присущие иногда некоторым современным русским исследователям, именно в контакте с зарубежной научной публикой.

Сборник открывается статьей **Алексея Зверева** *Стереотипы России: варварство и Восток* (7-14), в которой на материале книг мемуаров и путешественников (Cochran, Ledyard, Reeves) демонстрируется функционирование по отношению к России идеальных стереотипов: «Можно говорить об определенной парадигме. В основе ее лежат понятия Востока и варварства, отделивших Россию от мира цивилизации, который принадлежит только Западу. Из данного основополагающего противопоставления возникает ряд более частных. Выделение среди них самых устойчивых, чаще всего повторяющихся (первый компонент неизменно соотносится с Россией, второй – с Западом): фатализм – оптимизм; резиньяция – инициативность; соборность – самоценность личности; тирания – демократия; органика – механичность; тоска – удовлетворенность; альтруизм – практицизм.» (с. 13–14). К этому следует добавить, что зачастую происходит здесь известное переключение: результатом практицизма бывает альтруизм, неудовлетворенность механикой приводит зачастую к органике, подобно как индивидуализм («самоценность личности») к соборности, не говоря уже о том, что некоторые антиномии не являются чистыми противопоставлениями (фатализм – оптимизм). Однако статья тщательно исследует модели, которые образовали до определенной степени влиятельный фон русско-американских или вообще русско-западных культурных связей.

Михаил Одесский ищет истоки русского мифа Америки именно в 18 веке (Ломоносов – молодая Россия – молодая Америка) – смотри упомянутое исследование Д. Бодена. Однако трудно согласиться с утверждением, что «Российская власть отнюдь не строила планов захватить весь мир, включая далекую Америку»: факты (русская колонизация Северной Америки, концепция Д. Завалишина, интерес П. Свирина и др., не говоря о направлении части литературы – В. Жуковский и его поздняя зарубежная публицистика, Ф. Тютчев и известная его «Русская география», Ф. Достоевский, именно его высказывания в «Дневнике писателя» и в «Зимних заметках о летних впечатлениях») свидетельствуют как раз о противоположном. Серьезной и глубокой статьей М. Одесского начинается серия интересных исследований, включающих анализ Америк у В. Набокова (**Марина Носкович**: «Ни о какой реальной Америке в романе „Лолита“ говорить не приходится. Мы просто имеем дело с достаточно секретным для творчества В. Набокова приемом своего рода театрализации...» – с. 25), книги И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» (**Мария Натарева**: «...идея создания человека и общества нового, более совершенного типа, способного показать пример всему человечеству, – не нова – не оригинальна для Советского Союза двадцатого века в целом, ведь именно она легла в основу создания американской цивилизации. Может быть, поэтому между Россией и Америкой всегда, даже во времена откровенной конфронтации, холодной войны, чувствовалось существование сложных внутренних связей и взаимоотношений; страны всегда были интересны друг другу» – с. 26); с другой стороны к ним присоединяется статья **Elizabeth Blake** о романе Ayn Rand (*We the Living*). **Екатерина Байшева** интересно пишет об антиамериканизме в романе «О'кэй» Бориса Пильняка в связи с его поэтикой (нельзя, однако, связывать его романную технику с „самега-еуе“ Дос Пассоса – ведь она встречается еще в «Голом годе», 1921 – романы с упомянутой техникой Дос Пассоса появились только с 1925 года – речь идет скорее о типологической близости). В отношении культурного аспекта эмиграции интересна статья **Марии Смирновой** о Нине Берберовой в Америке (51-54) и **Ona Renner-Fabey** о письмах к Есенину Джима Гаррисона.

Роль остранения и отчуждения в языке исследуется во второй статье Екатерины Байшевой об американских эссе Иосифа Бродского. В связи с литературностью, театрализацией и кукольным характером поэтики В. Набокова большой интерес представляет статья Галины Рыльковой о Набокове, который холодно, намеренно строил свой образ у американского массового читателя (реклама, *New Yorker*, *Playboy* и т. д.). Статья является настоящим открытием, новым, менее традиционным взглядом на «холодного» и «сдержанного» чудака: «такой ,опокультуренный’, американизированный и готовый к употреблению Набоков никак не вяжется с привычным образом недоступного небожителя. Думается, что Набоков не имел ничего против такого культурного коктейля (иначе портрет бы просто не напечатали), а скорее всего и сам поучаствовал в его изготовлении. Не случайно Набоков с удовольствием подчеркивал, что родился в один день не только с Шекспиром, но еще и с американской кинозвездой Ширли Темпл.» (с. 75).

Скорее текстовым анализом занимается Нина Кельманн в статье о чеховской «Даме с собачкой» и одноименном произведении Оутс (J. C. Oates); статья о Джеймсе Томасе Фаррелле (J. T. Farrell: *Note on Literary Criticism, 1936; Literature and Morality, 1947*) Татьяны Даниловой кажется слишком фактографической, регистрирующей, прямолинейной, менее глубокой и аналитической; несмотря на определенную долю спекуляции, статья Irene Masing-Delic о скрытых пигмалионовских мотивах в «Обломове» Ивана Гончарова и в романе «Эмма» Джейн Остен (Jane Austen) представляет собой большой интерес, включая и возможность, что Гончаров был ознакомлен с романами Остен посредством английской жены (Mary Knowles) адмирала Путягина, с которым принял участие в известном кругосветном путешествии (см. «Фрегат Паллада»). Я предпочитал бы искать «общие места» скорее в тональности творчества, связанного с классицизмом (neoclassicism) и его принципами; может быть, творчество немецкого историка искусства Винкельманна может играть роль общего исходного пункта.

Свежи также наблюдения Косты Солева, касающиеся общих мест позднего Льва Толстого и религии шекеров (shakers); связью Генри Торо и Антона Чехова компетентно занимается Маргарита Одесская; Эва Цабка ищет у Артура Миллера чеховские мотивы и принципы построения драмы. В. Набоков еще раз возвращается со статьей Лианны Акоповой о двойничестве; единственным примером компаративистской типологии является, пожалуй, краткое сравнение В. Аксенова и Д. Д. Сэлинджера («Звездный билет» и «The Catcher in the Rye») в статье Алисы Романовой.

Особую тему можно найти в транслатологических статьях (Андрей Гиривенко: *Два перевода Дмитрия Ознобинина из Лонгфелло; Sarah Dunn: Проблема адекватности стиля в американских переводах О. Мандельштама; Kristin Peterson: On Circles and Crowds: «Свой круг» Людмилы Петрушевской в американских переводах*). Среди них ключевое место занимает исследование Анели Ругачевой о синтаксической иконичности в «Мастере и Маргарите» и о пределах переводимости (на примерах синтаксической иконичности в изображении уничтожения и перерождения личности и исчезновения времени).

Рецензируемый сборник вносит в современные исследования новый материал и иногда и новые подходы – не так часто можно читать столь свежие и остроумные статьи. Одновременно сборник вызывает новые вопросы и выдвигает проблемы. Их первый круг связан с темами, которыми авторы сборника не занимаются, т. е., например, с ролью декабристов и, главным образом, с функцией и причинами не только положительного, но и критического, отрицательного и негативистского отношения русских к Америке (Пушкин, Достоевский, Короленко). Второй круг касается новейшей стадии постмодернизма и быта современных русских писателей в США, с восприятием их произведений на этой территории. Для средневропейцев важен и третий круг: между Россией, западной Европой и США находится Средняя Европа, которая очутилась в этом культурном диалоге – случайно или нарочно – в вакууме. Горькое размышление, которое может следовать, выходит за пределы настоящей рецензии сборника; может сыграть роль стимула новых поисков.